

Лексика фольклора в «Словаре русских народных говоров»: теоретическая база и лексикографическая практика*

Описание и лингвистический анализ произведений фольклора в настоящее время вышли на качественно новый уровень, что, естественно, требует и новых методов и подходов. Ярусный анализ произведений фольклора выводит на первый план лексику, что в свою очередь требует изучения различных ее сторон, в том числе и региональной специфики, семантического варьирования и т. п. Территориальной дифференциации языка русского фольклора была посвящена диссертационная работа С. П. Праведникова. Автор, в частности, предпринимает попытку разграничения понятий *диалект/фольклор*, полагая, что «бытовой диалект определяется через факт наличия, а фольклорный – через факт актуализации языковой единицы» (Праведников 2011: 70). Однако фиксация собственно диалектных лексических единиц и их бытование также часто разнятся, в зависимости от сохранности говора, устойчивости и т. п. Далее С. П. Праведниковым отмечается, что «фольклорные диалекты организованы иерархически, внутри диалектов мы обнаруживаем эквиваленты фольклорным говорам, названные нами субмегатегстом (Праведников 2011: 305).

Лексика фольклора в ряде случаев имеет формальные показатели, выделяющие ее среди диалектной или общерусской лексики, об этом также пишет С. П. Праведников, справедливо полагая, что диминутивная лексика занимает особое место в структуре устно-поэтического текста, являясь своеобразным маркером фольклорности. Однако, если речь идет о севернорусских говорах, то можно отметить факт, что в их лексической системе диминутивы занимают большое место. Так, например, в 5-м томе «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» существительных с суффиксом *-ушк-* насчитывается свыше 1000 единиц, а с суффиксом *-очк-* — свыше 350 (Праведников 2011).

Детальный анализ лексики всегда сопряжен с различного рода трудностями, в том числе касающимися выводов о существовании или отсутствии лексемы в том или ином регионе. Если речь идет о лексеме общерусского бытования, бывает не всегда просто, а то и невозможно, предугадать все ва-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-04-00065-ОТН).

рианты ее реализации. Причем, например, «черкасский и черкесский — эпитеты к слову *седло* — фиксируются в курском мегатексте» (Праведников 2011: 93–94), однако не всегда будет правомерен вывод, что топонимическая лексика, особенно на уровне микротопонимики, может служить достаточно убедительным доводом к отнесению народно-песенных текстов к конкретной местности. На наш взгляд, топонимия в фольклорном тексте (особенно былинном) не может служить отражением местности, где этот текст зафиксирован. Например, гидроним *Дунай* регулярно фиксируется в текстах былин, записанных на Севере. Кроме того, если топоним включается в устойчивую фольклорную формулу, бытование его может быть весьма частотным и пространственно обширным, ср.: *Седелище на нем черкасское*. Оренб.; *седельчо черкасское* Валд. Новг.; *седелко клал черкасское*. Петрозав. Олон. (Гильфердинг); *седельшко черкасское Север*; *седелько черкасское* Каргоп. Олон. (Гильфердинг) (СРНГ 37: 112, 114).

В «Словаре русских народных говоров» источники диалектных данных распадаются на четыре группы:

1. лингвистические записи, произведенные со специальной целью изучения диалектной речи;
2. разного рода общие и специальные (не диалектологические) словари, содержащие диалектные слова;
3. историко-этнографические исследования, посвященные особенностям жизни русского населения иных местностей;
4. фольклорные источники.

В данной работе предполагается рассмотреть эту четвертую группу источников в тексте «Словаря русских народных говоров». Хотя в предисловии к СРНГ первоначально имелось в виду не наличие в этих источниках лексики устного народного творчества вообще, а наличие только диалектных слов, встречающихся в языке фольклорных произведений (как, впрочем, и во всех других источниках). Против использования фольклорных материалов как источника областных словарей выступали В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. «Не оспаривая положения о том, что лексика фольклора представляет собой огромную научную ценность, мы полагаем, однако, что изучение этой лексики — задача особого характера, — писали они. — Произведения фольклора не принадлежат отдельным группам говоров, и потому значения слов, отраженные в них, могут совершенно отсутствовать в тех говорах, от носителей которых эти произведения записаны. Кроме того, употребление слов в фольклоре нередко обусловлено спецификой того или иного произведения и определяется выполнением особых функций» (Орлова, Сологуб 1957: 21).

«Словарь языка русского фольклора: лексика былины» был реализован М. А. Бобуновой, А. Т. Хроленко (Бобунова, Хроленко 2006). Основными принципами в работе над словарем были выделены следующие:

- ориентация на жанровую дифференциацию фольклорного материала;
- семантика и функция каждого слова определяется только в рамках и только средствами фольклорного текста;
- семантическая структура фольклорного слова специфична, и его своеобразие определяется фольклорной картиной мира, а также структурой и поэтикой текста;
- специфике фольклорного слова должна соответствовать структура словарной статьи;
- в основу лексикографического описания слова должен быть положен учет всех выявленных связей описываемого слова с другими лексемами конкретного текста и всего корпуса привлеченных текстов (Бобунова, Хроленко 2006: 4).

Каждый фрагмент эпической или лирической картины мира репрезентируется определенной совокупностью лексем различной частеречной принадлежности. Этот набор лексем именуется термином *кластер*. Под кластером понимается совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и/или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента фольклорной картины мира. Поскольку тематическая классификация связана с семантикой, многозначное слово в разных своих значениях может относиться к разным кластерам (Бобунова, Хроленко 2006: 7).

Однако, принимая во внимание опыт жанровой лексикографической интерпретации фольклорного лексикона, следует отметить, что работа над сводным диалектным словарем, который включает в свой состав лексемы, зафиксированные в различных текстах фольклора, предполагает более широкий взгляд на некоторые аспекты как теории, так и словарной практики. Причем в ряде случаев можно дифференцировать единицы фольклорные и собственно диалектные. Ср., например: **Казák** ‘наемный рабочий, батрак в крестьянском хозяйстве’ Север (СРНГ 12: 307), слово, с данной семантикой бытующее в диалекте. Тогда как в фольклорном тексте весьма устойчива семантика для единицы **казák** — постоянный эпитет богатыря в былинах.

В процессе подготовки «Словаря русских народных говоров» предполагалось расширение группы фольклорных источников. Уже в начале работы над СРНГ авторы и редакторы понимали, что попытки изолировать язык фольклорных произведений от живой диалектной речи теоретически несостоятельны, а в рамках большого сводного словаря практически неосущест-

вимы. Почти во всех существующих диалектных словарях в большом количестве имеются слова, взятые из языка фольклора, и, что самое важное, почерпнутые из языка фольклора словарные сведения очень часто никак не оговариваются авторами этих словарей. Использование в процессе составления, кроме картотеки СРНГ, также и Большой словарной картотеки¹, которая насыщена фольклорными материалами, очень часто без указаний на фольклорные источники, делает невозможным отделение лексики, записанной в результате наблюдений над разговорной диалектной речью, от лексики, взятой из фольклорных произведений (СРНГ 1: 19).

Таким образом, в «Словаре русских народных говоров» лексика фольклора, не функционирующая в русском языке вне его произведений, включается в состав диалектной лексики (Сороколетов 1974), даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причем следует отметить, что слова с пометой *фольк.* довольно многочисленны в СРНГ².

Следует отметить, что не все фольклорные данные имеют соответствующую помету, что, при фиксации только такого рода материалов, можно рассматривать как пропуск, например:

Приосудить, *сов., перех.* Осудить, выразить неодобрение кому-, чему-л. *Приосеют ветры буйные, Приосудят люди добрые.* Север, Барсов. (СРНГ 31: 327).

Довольно часто это связано с тем, что единица фольклорного текста употребляется также и в другом диалектном речевом контексте. Например:

Припёв. Пение, песня. *Там играют во гуселка яровчатый, Тонцы ведут от Нова-города, Други ведут от Еросолима, Припевы припевают хорошия* Пудож. Олон.(Гильфердинг). *Щас это стали плясать кругом да с припевом, а тогда-то бочком да без припева* Том. (СРНГ 31: 337).

Еще один подобный пример, когда в словарной статье имеются жанровые отсылки, но отсутствует помета *фольк.*, поскольку слово явно может употребляться не только в фольклоре, но и в диалектной речи.

¹ Картотека «Словаря современного русского литературного языка», в основе которой лежит Картотека Словаря Грота–Шахматова, насыщена фольклорными и этнографическими материалами.

² Подсчеты по томам см. (Мызников 2010).

Репня́. 1. То же, что репница (в 3-м знач.) [Суп, похлебка из рубленой репы с крупой или мукой]. // Суп из брюквы Тихв. Новг., 1914. 2. То же, что репница (в 4-м знач.) [Каша из тертой репы с добавлением крупы, яиц, масла и молока]. *Я сидел на пню, хлебал репню* (песня). Кадуйск. Волог., 1968. **Рёпня.** В загадке: *Стоит репня посередь мокра, не жнет, не молотит, каждый день денежки воротит* (мельница) Охан. Перм., 1903 (СРНГ 31: 72).

По последним данным³, из фольклорных материалов в словаре более всего представлены песенные жанры, в СРНГ помета *песня* имеет 6073 фиксации. Уже не раз подтверждалось, что песни обнаруживают тесную связь со всем укладом жизни их творцов, хранителей и исполнителей. Многочисленные примеры употребления диалектных слов в народных песнях являются ярким свидетельством этой связи. Песни в живом исполнении всегда передают особенности диалекта, в них отчетливо прослеживаются диалектные фонетические, морфологические и лексические черты (Евгеньева 1956; Сороколетов 1974). Все это делает песни ценным источником сведений по диалектной лексике, дающим возможность восстановить важные звенья лексико-семантической системы русских народных говоров, в ряде случаев уточнить ареальную характеристику значительного числа диалектных лексем, отчетливее представить их семантическую сторону (см. Сороколетов 1974).

Рёлица, ж. Виселица. *Повели-то раздоброго молодца ко рёлицы, ко высокой петельке ко шелковой* (песня). Гребен. Терск., 1902 (СРНГ 35: 47).

Самодобрый. Фольк. Очень хороший, отличный. *Я возьму коня, что не лучшего, что не лучшего самодоброго* (песня). Перм., 1860 (СРНГ 36: 85).

Самозаводистый. Фольк. Бурный, бурлящий. *Протекала тут быстра речка, быстра да самозаводиста* (песня). Пинеж. Арх., 1971 (СРНГ 36: 87).

Сухотá. О любимом человеке. А соседый двор – сухота моя, *А соседний сын – то душа моя* (песня). Духовищ. Смол., 1891. *Сухота ты моя, добрый молодец! Сам же ты ссох и меня ссушил* (песня). Смол. Новг., Самар. (СРНГ 43: 25).

В ряде случаев сводный характер словаря не дает возможности разграничения данных по жанрам, в одной словарной статье репрезентируются материалы былин, песен и собственно диалектные данные, почерпнутые из лексикографических источников.

Сад, м. (мн. сады). Фольк. 1. Большая гребная и парусная лодка. *Не на Волхове зеленый ноне сад шатается, Да по морской волны корабличек похаживает* (былина). Мезен. Арх., Григорьев. *Приплыли сады – Сады батюшковы! Я на эти*

³ Из вышедших в свет 50 томов СРНГ в статье учтены материалы 48.

сады глядеть не могу! Я с этими гребцами говорить я не хочу (песня). Вят. 2. Глубина осадки судна. Арх., 1885 (СРНГ 36: 21).

Довольно часто ссылка на песенный источник не имеет пометы *фольк.*:

Ренкóй. Ревнивый. *У меня молодой муж ренкой Не отпустит он погулять* (песня) Охан. Перм, 1903–1910 (СРНГ 35: 65).

Таковóй и сяковóй. Имеющий различные недостатки. *Стали разговаривать про нас, Дуня такова и сякова, Авдотьюшка этакова* (песня). Печор., 1963 (СРНГ 43: 195).

Талалáнка, ж. Гармонь. *Взяли бы Танюшку За ручки Да повели бы ее На Волгу, на легкую работу, Где гудки талаланки, Где звончатые балалайки* (песня). Екатеринбург. Перм., 1882 (СРНГ 43:237).

Тáленький. Ласк. Оттаявший. *Как по улице по таленькой Шел молодчик разуоаленький* (песня). Олон., 1870 (СРНГ 43: 242).

Весьма значительны также данные, имеющие в качестве источника частушки, — 1208 фиксаций.

Бéленький, в знач. сущ. *Фольк.* Возлюбленный. *Как сказали: милый гож, — Без морозу взяла дрожь. Без морозу, без огня Ссушил ты, беленький, меня* (частушка). Пск., 1907. **Бéленький цветочек.** О милом, возлюбленном. *Скажи, беленький цветочек, Кто же вышил вороточек?* (частушка). Опоч. Пск., 1919–1934 (СРНГ 2: 211).

Значительное место занимают в СРНГ лексические данные, почерпнутые из **сказок**, — 1557 фиксаций. Так, например, в одном из наиболее значимых сказочных сборников Н. Е. Ончукова содержится значительное число диалектных лексических элементов. Весьма показателен словарь областных слов, приложенный им к «Северным сказкам». В нем помещено около 1100 слов, встретившихся в текстах сказок. Основная масса слов характерна для севернорусских говоров и употребляется или употреблялась в них в тех же значениях, что и в «Северных сказках» Ончукова. По свидетельству Ф.П. Сороколетова, в этом списке нет ни одного слова, которое было бы известно только на юге России (Ончуков 1908; Сороколетов 1973). Поскольку лексика сказок довольно часто неотличима от собственно диалектной, то нередко она используется как иллюстративный материал для подтверждения семантики заголовочного слова без пометы *фольк.*

Сопрýтаться. Спрятаться. Духовищ. Смол., 1858. *Мышка бегаёт, а он имеет, а красная девица сопряталась* (сказка). Кирил. Новг. Луж. Петерб. (СРНГ 40: 7).

Значительны материалы, которые относятся к **былинам**, — 1125 единиц⁴.

Отмечается также в качестве фольклорных источников лексика, бытующая в **заговорах**, на страницах СРНГ зафиксирована 801 единица. Язык заговора рассматривается как специфическая разновидность языка фольклора, которая: 1) соотносится в основных моментах с типовой ситуацией и задается этой ситуацией; 2) выступает как одна из составляющих заговорно-заклинательного акта и соотносится с его акциональным и предметным планами; 3) реализует функцию воздействия (Гультаева 2000: 8). Единицы, относящиеся в тексте СРНГ к заговорам, довольно часто не имеют семантической разработки.

Растворитесь роды. В заговоре: *Для Господа Бога растворяются неба и земли, так и у меня растворитесь роды* (чтобы я легко родила). Нижнеуд. Иркут., 1915 (СРНГ 34: 250).

Редá, ж. В заговоре: *В мертвом ни реды, в камне ни воды, в чирье ни ядра* Нижнеуд. Иркут., 1915 (СРНГ 34: 14).

Счѣсный... 3. [Знач.?]. В заговоре. *Пресвятая Богородица сними от раба Борзия (имя) порчи, уроки, призоры, килы, внутренние счесные, рассыпные, каменные, вострыя, сухия, мокрья, гноючия*. Сольвыч. Волог., 1858 (СРНГ 43: 88).

Помимо свадебных **причитаний**, которые занимают такое значительное место на страницах СРНГ, фиксируются также причитания похоронные, рекрутские и т. п. В 48 томах зафиксировано 1032 единицы, в которых в качестве источника фигурирует причитание.

Соробѣть. Фольк. Оробеть. *Верно, Господу молилась от желаньца, Богородице молилась с горячими слезмы, не соробела печальна, не сполохалась* (причит.). Север, 1961 (СРНГ 40: 17).

Передóвщикек, м. Вожак, проводник [?]. *Впереди он был то и да передовщикек. Позади он был любимой ведь да повозничек*. Север, Барсов. *И впереди у вас не будет передовщикка!* Причитания (СРНГ 26: 91).

Весьма частотны в СРНГ **загадки**, которые насчитывают около 800 отсылок. Имеются случаи, когда в тексте СРНГ заголовочное слово является основным в загадке, но его семантика не может быть прояснена, поскольку данная единица участвует в языковой игре, и значение является отгадкой.

Роговúля, ж. В загадке – печка: *В роговуле недотыка побрякушечкой закрыта*. Грязнов. Волог., 1898 (СРНГ 35: 125).

⁴ Некоторые аспекты анализа лексики изложены в (Мызников 2002).

Нередко загадки не помещаются в основной текст словарной статьи, а даются в качестве дополнительного материала.

Доп. В загадке: *Рой гору повалил* (свинья с поросятами). Пск., (СРНГ 35: 165).

Доп. В загадке: *На поле, на визге Двенадцать зубов, В рыкове — четыре, Во ржавке — две* (сосцы у свиньи, коровы и кобылы). Казан. (СРНГ 35: 93).

В отношении загадок следует отметить, что не всегда, особенно в первых томах словаря, при помете *фольк.* стоит указание на жанр.

Безу́ленка, и, ж. *Фольк.* Постройка без углов. *Шли плотнички-бестопорнички, Склали горенку-безуленку* (загадка: одонье хлеба). Шацк. Тамб. (СРНГ 2: 199).

Довольно часто **паремии**, пословицы и поговорки, имеющие в своем составе общенародную лексику, не попадают на страницы СРНГ, однако все же отмечается 531 словарная статья с отсылкой в качестве источника к пословице и 345 единиц — к поговорке.

В редких случаях отмечается, как толкование, употребление слова в поговорках и пословицах:

Голодному Федоту и репа в охоту. Шуйск. Влад., 1920–1924. *Капуста да репа брюху не крепя.* Репа брюху не крепя. Помор. Арх., 1885. *Репа да горох сеются для воров.* Онеж. КАССР, 1933. *Хоть репа без костей, да и на то и кора (горькая)* Холмог. Арх., 1907. *Добрая невеста и на придворке найдет себе место* (поговорка) Опоч. Пск., 1852 Пск. (СРНГ 31: 189).

Сидела в девках до солнца и высидела сазонца (поговорка) (о разборчивой, засидевшейся невесте). Рыб. Яросл., 1901 (СРНГ 36: 43).

Каков свычай, таков и обычай (поговорка). Влад. *Свычай да обычай промеж своих людей, а ум людской про весь мир.* Саратов. (СРНГ 36:331).

Довольно часто фольклорные материалы не имеют точного определения, в тех случаях, когда речь идет об атрибутивных словосочетаниях, то выводится толкование 'эпитет кого-, чего-л.'

Тарабу́ка... 2. *Фольк.* Эпитет вороны. *Ворона — тарабука — в мир неугодна, полетела она в кабачок и выпила винца на пятачок.* Шадр. Перм., 1859 (СРНГ 43: 271).

Тата́рка... 3. В свадебном обряде — эпитет ближайшей подруги невесты. *Жених кладет серебро и девки отдают ему невесту, а он угощает их водкой! Присутствующие кричат: наши девки татарки пропили Прасковью за чарки.* Смол., 1914 (СРНГ 43: 304).

Сыро́й... 5. *Фольк.* Эпитет бора. *Отпущаю я дитяtko За сыры боры дремучие.* Пудож. Олон., 1903.

6. Фольк. Эпитет дуба. *Приезжает Сухмантий ко сыру дубу, Ко сыру дубу кряковисту, Выдергивал дуб со кореньями.* Пудож. Олон., Рыбников. *Ай стал он тут сырым дубом да кряковистым помахать, Ай его добрый конь стал по силушке тута поскакивать.* Олон. *Нарвал там сырых дубов, развел огонь И взвалил он змею люту на огоничек.* Печора и Зимн. берег. Терск. *Тут стоял да рос сыр матерый дуб.* Оренб. (СРНГ 43: 161).

Таким образом, приведенный обзор показывает, что лексикографирование лексики, зафиксированной в фольклорных текстах, имеет свою специфику. Представляется крайне важным анализ взаимоотношений литературного языка, диалекта и языка устного народного творчества. В результате практической работы над СРНГ подтвердилась необходимость использования произведений фольклора как одного из источников областных словарей, с аргументацией, выработанной Ф. П. Филиным и Ф. П. Сороколетовым.

Литература

- Абдрошитова 2013 — *Абдрошитова М. О.* Своеобразие загадки как жанра фольклорного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 4 (22). Ч. 1. С. 15–18.
- Бобунова, Хроленко 2006 — *Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Словарь языка русского фольклора: лексика былины. Курск, 2006.
- Быкова 1996 — *Быкова А. А.* К вопросу об определении загадки // *Паремиологические исследования.* М., 1996. С. 105–107.
- Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л, 1949–1951. Т. 1–3 (1-е изд.: СПб., 1883).
- Гультаева 2000 — *Гультаева Н. В.* Язык русского заговора: лексика. АКД. Екатеринбург, 2000.
- Евгеньева 1956 — *Евгеньева А. П.* Языковые особенности «Песни о рябине» в записи 1699 г. как материал для ее локализации // *Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена.* 1956. Т. XV. Фак. литер. и яз. Вып. 4. С. 163–181.
- Мызников 2002 — *Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) и в русских говорах Обонежья // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 1999. СПб., 2002. С. 82–95.
- Мызников 2010 — *Мызников С. А.* Верификация данных в диалектных лексикографических источниках // *Вестник Омского университета,* 2010. № 1. С. 75–78.
- Ончуков 1908 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908.
- Орлова, Сологуб 1957 — *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // *Лексикографический сборник.* М., 1957. Вып. 2.

- Праведников 2911 — *Праведников С. П.* Территориальная дифференциация языка русского фольклора. Диссертация... доктора филолог. наук. Курск, 2011.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995–2005. Т. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965–2018. Т. 1–50.
- Сороколетов 1973 — *Сороколетов Ф. П.* Произведения фольклора и диалектные словари // Диалектная лексика. 1973 / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1974. С. 193–204.
- Сороколетов 1974 — *Сороколетов Ф. П.* Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 193–204.
- Сороколетов 2011 — *Сороколетов Ф. П.* Избранные труды / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова; отв. ред. С. А. Мызников. Институт лингв. исслед. РАН. СПб., 2011. С. 223–232.

Summary

Sergey Myznikov

Folklore lexis in the Dictionary of Russian dialects: theoretical basis and lexicographical practice

The article offers an analysis of the folklore lexis, which is presented on the pages of the Dictionary of the Russian Dialects (DRD). It is noted that the folklore lexis has formal indicators that makes it different from dialectal or all-Russian lexicon. The authors and editors of the DRD note that attempts to isolate the language of folklore works from the present-day dialectal speech are theoretically untenable, and within the framework of a large consolidated dictionary are virtually impracticable. Thus, the research on lexicography of lexis, fixed in folklore texts, has its own specifics. It seems extremely important to analyse the relationship between the literary language, the dialect and the language of oral folk art. Russian dialect lexis studies have shown that it is essential to use folklore works as one of the sources of regional dictionaries.